

RU

Семантический аспект коммуникативных неудач в устном судебном переводе с использованием русского и шведского языков

Французова А. Д.

Аннотация. Цель исследования - рассмотреть причины вариативности интерпретации общепотребительной лексики в процессе устного судебного перевода и их связь с возникновением коммуникативных неудач (КН). Научная новизна исследования заключается в углубленном анализе семантического аспекта КН в переводе устнопорождаемой речи с использованием шведского и русского языков. В результате установлено, что КН возникает ввиду расхождения в толковании семантики отдельных лексем между участниками межъязыковой коммуникации при использовании заимствованных слов; многозначности разговорных окказионализмов; отсутствии очевидного десигната знака; несовпадении семантических полей лексики в ИЯ и ПЯ или семантики знака и предметной соотнесенности в случаях межъязыковой лексической омонимии.

EN

Semantic Aspect of Communicative Failures in Judicial Interpreting with the Usage of the Russian and Swedish Languages

Frantsuzova A. D.

Abstract. The paper aims to consider the reasons for the variability of interpretation of common vocabulary in the process of judicial interpreting and their connection with the occurrence of communicative failures (CF). The scientific originality of the research lies in the fact that it thoroughly analyzes the semantic aspect of CF when interpreting spoken speech with the usage of the Swedish and Russian languages. As a result, it has been revealed that CF occurs due to the difference in the semantic interpretation of certain lexemes by the participants of interlanguage communication when using borrowed words; ambiguity of colloquial nonce-words; absence of obvious designatum of a sign; mismatch of the semantic fields of lexis in the source and target languages or the semantics of a sign and subject correlation in the cases of interlanguage lexical homonymy.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена возрастающим интересом лингвистов и представителей юридических профессий к проблеме обеспечения качества устного судебного перевода, расширением международных контактов, связанным с миграцией населения, а вместе с тем необходимостью законодательного обеспечения принципа «языка судопроизводства», изучением опыта работы института судебных переводчиков в других странах и возможностью оценить и перенять положительные стороны зарубежного опыта. В настоящее время появляется большое количество исследований, в которых процесс перевода рассматривается с герменевтических позиций. Понимание и осмысление дискурса являются важными и многосторонними составляющими не только на этапе восприятия высказывания на ИЯ, но и в процессе восприятия сообщения конечным адресатом на ПЯ.

Объектом перевода в устном юридическом дискурсе является не система языка как таковая, а ее реализация посредством конкретных устнопорождаемых произведений в речи говорящих. Переводчик осуществляет переход от текста оригинала к тексту перевода не произвольно, а по определенным правилам, сохраняя особый инвариант сообщения (Бархударов, 1975, с. 8). Случается, что речевое произведение, достигая реципиента, не вызывает прогнозируемый коммуникативный эффект – возникает полное или частичное непонимание. Таким образом, объектом настоящего исследования являются случаи коммуникативных сбоев в рамках устного судебного перевода, проявляющиеся как неправильное понимание, а также полное или частичное непонимание текста оригинала или перевода.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: 1) методом компонентного анализа определить общие знаменатели в семантическом измерении речепорождения, приводящие к нарушению межъязыковой коммуникации с участием переводчика; 2) методом контекстуального анализа установить этап перевода, на котором возникает коммуникативный сбой; 3) методом моделирования процесса перевода выявить механизмы, приводящие к коммуникативному сбою, что позволит лучше понять влияние того или иного фактора на возникновение коммуникативной неудачи; 4) провести совокупный анализ выявленных факторов и сделать выводы с помощью метода описания с его основными компонентами: наблюдением, обобщением, сопоставлением, систематизацией и интерпретацией.

Настоящее исследование ориентировано на поиск случаев нарушения межъязыковой коммуникации как таковой. В соответствии с данной установкой под коммуникативной неудачей будем понимать любое нарушение коммуникации между участниками судебного дискурса. Тем самым не проводится разграничения между понятиями «коммуникативная неудача», «коммуникативный сбой», «коммуникативная осечка», «коммуникативный дискомфорт» и некоторыми другими.

В связи с тем, что ведущим аспектом современной транслятологии является ее междисциплинарность, настоящее исследование предпринято в русле интегративного переводоведения. Во главу угла интегративной модели процесса перевода поставлено изучение переводческой практики «как разновидности когнитивной деятельности переводчика с учетом креативности его языковой личности, а также целого комплекса факторов, определяющих и сопровождающих переводческий процесс» (Поликарпов, 2012, с. 278).

Коммуникативные неудачи рассматриваются в данной статье с позиций лингвосемиотики, междисциплинарной научной отрасли, занимающей промежуточное положение между лингвистикой и семиотикой (Поликарпов, 2013, с. 7) и вмещающей в себя несколько измерений (перцептику, семантику, синтактику и прагматику). Данная статья посвящена рассмотрению семантического аспекта феномена коммуникативных неудач в ходе устного последовательного перевода устнопорождаемого судебного дискурса.

Материалом исследования послужил устный двусторонний перевод судебных заседаний с использованием шведского и русского языков. Языковой материал в виде цифровых аудиозаписей допроса процессуальных сторон, свидетеля или потерпевшего был получен из судебных архивов девяти окружных судов Швеции в течение 2018 года и транскрибирован автором проведенного исследования.

В исследовании рассмотрены коммуникативные неудачи, возникшие в процессе двадцати трех судебных разбирательств с участием русско-шведского переводчика, выполняющего устный синхронный или последовательный перевод. Большая часть переводов, зафиксированных на анализируемых аудиозаписях, выполнена аттестованными переводчиками со специальной судебной квалификацией, в остальных случаях перевод выполнен переводчиками, завершившими программу средне-специального образования, но не прошедших государственную аттестацию в Шведском национальном агентстве юридических, финансовых и административных услуг (*Kammarkollegiet*).

Аудиозаписи судебных заседаний были транскрибированы, а затем проанализированы в соответствии с герменевтическим подходом. В парадигме системного подхода, транскрипции судебных диалогов были выполнены согласно потребностям автора. В соответствии с используемой системой в транскрипции фиксируются только речь и паузы. Короткие паузы передаются с помощью знака «/», длинные паузы – с помощью знака «//», «[nn]» указывает на одновременную речь двух говорящих, а «[...]» отражает опущение некоторых частей диалога. В круглых скобках представлен дословный перевод, выполненный автором исследования.

Теоретическая база исследования представлена научной литературой в области переводоведения (Степанов, 1966; Бархударов, 1975; Комиссаров, 1999; Алексеева, 2006; Гарбовский, 2007; Поликарпов, 2012), семиотики (Сыроваткин 1978; Кронгауз, 2005; Буланова, 2009), теории коммуникации (Соколов, 1968; Pinker, 2007; Волкова, 2010; Барабаш, Мещерякова 2013), лингвистической герменевтики (Ольховников, 1999; Поликарпов, 2012).

Практическая значимость обусловлена малой представленностью объекта исследования в научной литературе, что говорит в пользу необходимости изучения устнопорождаемой судебной речи и устного судебного перевода на основе транскриптов звучащей речи. Результаты исследования могут использоваться в преподавании таких дисциплин, как теория перевода, основы судебного перевода, устный последовательный перевод, синхронный перевод.

Основная часть

Речевая деятельность в ходе судебного перевода может быть представлена в качестве непрерывного процесса, включающего в себя, как минимум, этапы восприятия поступательной мысли сообщения, выделения атомарных значений и синтеза целостного смысла воспринимаемого высказывания, этапа переосмысления и превращения разрозненных компонентов в замысел воспроизводимого, формирования и формулирования самого текста перевода. Задачей переводчика является полная и точная передача содержания оригинальных, порождаемых в ходе судебного заседания речевых высказываний посредством другого языка. Несмотря на то, что «действия переводчика часто интуитивны» (Волкова, 2010, с. 7), процесс перевода неотделим от систематического ментального анализа того, что в науке о знаковых системах называется «двусторонним характером знака», а именно планом выражения (формой) и планом содержания (значением). В русле лингвосемиотического подхода к изучению коммуникативных неудач в контексте устного судебного перевода большой интерес представляет семантическое изменение семиозиса. Поскольку возникновение коммуникативных неудач не связано с конкретными языковыми

знаками, а представляет собой всего лишь коммуникативное явление, то его появление может быть связано со сложностью интерпретации языковых знаков разного уровня. Не ставя перед собой цели дать аналитический обзор всех существующих случаев коммуникативных сбоев ввиду сложностей, возникающих в семантической плоскости судебного дискурса, в данном исследовании ограничимся указанием лишь на некоторые наиболее принципиальные моменты.

Опираясь на языковой материал исследования, в качестве маркеров коммуникативных неудач будем рассматривать незначительные задержки в развертывании высказывания, паузы или повторы в тексте перевода в виде «топтания на месте» в тех ситуациях, когда переводчику необходимо дополнительное время для переводческого анализа речи отправителя и поиска истинного смысла высказывания. В качестве сигналов крайней сложности или невозможности полного осмысления высказывания, а также наличия явно взаимоисключающих элементов или отсутствия связи друг с другом могут рассматриваться hesitant поиск эквивалента на ПЯ, «автоматические» переспросы или вопросы уточняющего характера, предназначенные для отправителя сообщения.

В современной транслатологии в качестве минимальных критериев высокого уровня выполняемого перевода выделяется «эквивалентность», т.е. мера сохранения инварианта высказывания, а также «адекватность», т.е. мера точности и полноты передачи особенностей структуры, стиля, лексики и грамматики оригинала (Комиссаров, 1999; Ольховиков, 1999; Гарбовский, 2007; Алексеева, 2006).

Несмотря на то, что современные исследования в области переводоведения выдвигают на первый план в качестве тех единиц, в рамках которых необходимо искать решение переводческих задач, предложение и даже сам текст, важна, на наш взгляд, и передача лексических составляющих высказываний в переводе, особенно в устном судебном. Благодаря экспериментальным исследованиям с целью выяснения механизмов, действующих в процессе восприятия и осмысления информации (Pinker, 2007; Hasegawa-Johnson 2007; Gisselgård, Udden, Ingvar, Petersson, 2007; Udden, Araújo, Forkstam, Ingvar, Hagoort, Petersson 2009; Forkstam, Jansson, Ingvar, Petersson, 2009 и др.), в том числе исследованиям особенностей внутренней речи (Соколов, 1968), удалось установить, что на первичном этапе «приема» текста оригинала (будь то иноязычный материал или текст на родном языке) «доминирующую роль играет слово или даже сочетание слов, тогда как звук получает фонемную интерпретацию в зависимости от признаков, извлекаемых из слогового и словесного контекста» (Сыроваткин, 1978, с. 57). Поскольку фонема не имеет самостоятельного лексического или грамматического значения, то рассмотрение семантически обусловленных коммуникативных неудач на фонологическом уровне языка не представляется целесообразным.

Слово в его двойном модусе бытия – как абстрактной единицы лексикона и как актуального элемента речевой цепи, является необходимым компонентом интерпретации смысла высказывания и процесса создания нового языкового знака на ПЯ. Как показывает анализ языкового материала, лексика судебного дискурса не однородна по своему составу, ее можно условно разделить на две группы:

- 1) общеупотребительная лексика;
- 2) специальная терминология (юридическая или из других областей знаний).

Далее предлагаем краткий обзор семиотического функционирования общеупотребительной лексики в устнопорождаемом юридическом дискурсе.

Проведенное исследование показывает, что случаи лексико-семантической интерференции (1-5) в речи русскоязычных участников дискурса встречаются с высокой частотностью. Ввиду ограничений, связанных с объемом публикации, приведем лишь несколько примеров. Морфологический аспект функционирования заимствованных из шведского языка слов регулируется посредством автоматической адаптации к правилам русского языка (например, склонение по падежу и числу). Вместе с тем их появление в отрезке речи приводит к небольшой заминке или паузе в процессе перевода, обусловленной потребностью переводчика в предварительной «дешифровке» семантического содержания употребленной лексемы (см. Таблицу 1).

Таблица 1

(1)	Подсудимый:	а // до этого / ну / моя дочка / Мадина постоянно / за- // стиркой / занималась / а так как / э / стэдой / стиркой / всегда занималась моя [дочка]
	Переводчик:	[och] / det ää / det är min Madina / så att städa och tvätta / det är min Madina / min dotter / som tar hand om
	Дословный перевод:	([и] / это ээ / это моя Мадина / так что убирать и стирать / это моя Мадина / моя дочь / этим занимается)
(2)	Истица:	ну / потом // это мотэ прошло / ну мы когда домой пришли / она / начала говорить я все равно / боюсь [...]
	Переводчик:	ehm // när vi kom hem så / sa han att hon / ändå / fortfarande är / rädd för pappa [...]
	Дословный перевод:	(эм // когда мы пришли домой то / то она сказала что / все равно / до сих пор / боится папы)
(3)	Подсудимый:	у меня есть своя фирма / мы / сникеристы
	Переводчик:	jag är snickare / och vi har ett byggföretag
	Дословный перевод:	(я – плотник / и у нас есть строительная компания)

Анализ языкового материала свидетельствует о том, что вкрапления «шведизмов» не обусловлены различиями в концептуальных или понятийных сферах между языками, т.е. не описывают отсутствующие в картине мира носителя русского языка предметы или понятия. Напротив, они называют привычные бытовые

действия и факты жизни («стэд» – уборка, «мотэ» – встреча, собрание, «сникеристы» – от шведского слова «сниккарэ» – плотники). Следовательно, причиной использования варваризмов в приведенных примерах является не наличие языковых лакун, а спонтанность и неподготовленность устной речи подсудимого. Включение шведской лексики в русскоязычную живую речь происходит в условиях дефицита времени, когда полное осмысление высказывания и выбор соответствующей языковой формы на этапе порождения синтаксического знака отправителем текста затруднены.

Следует сказать, что ни в одном из приведенных примеров говорящий не сопровождал использование варваризма объяснениями, уточняющими содержание шведской лексемы. Чем больше дополнительной информации выражено в связи с использованием варваризма, тем меньше вероятность того, что это обстоятельство приведет к возникновению коммуникативной неудачи на стадии восприятия текста переводчиком.

По той же причине наименьший риск возникновения коммуникативной неудачи при использовании межъязыковых заимствований представляют случаи, когда русскоязычный отправитель исходного текста делает отсылку к реалиям шведского общественного устройства. Например, при условии разборчивого и аналогичного шведскому произношению употребление имен собственных, например названий шведских учреждений (4) или административных понятий (5), зачастую не вызывает у переводчика сложностей в интерпретации смысла употребленной лексики (см. Таблицу 2).

Таблица 2

(4)	Прокурор:	// och / vad hände med verktygen / de var värda mycket / 500 000 kronor / va / vad hände med de här / sakerna?
	Переводчик:	так что произошло с инструментами / там было на сумму больше 500 000 крон
	Подсудимый:	Кронофугден забрала всё
	Переводчик:	Kronofogden tog allting
	Дословный перевод:	(Государственная служба судебных приставов забрала всё)
(5)	Подсудимый:	в Швеции // я / получил першунномер
	Переводчик:	jag fick ett personnummer i Sverige
	Дословный перевод:	(я получил личный идентификационный номер в Швеции)

Переводчик без труда узнает в заимствованиях, приведенных в примерах (4-5) «Государственную службу судебных приставов» (*Kronofogden*) и «личный идентификационный номер» (*personnummer*).

Анализ языкового материала показывает, что в группу заимствованных слов и выражений, интегрированных в речь русскоязычного отправителя сообщения, зачастую попадают названия предметов быта и обихода («*банкдуса*» – устройство для банковской идентификации, «*ларм*» – сирена, сигнал будильника), названия продуктов питания («*щётбуллар*» – мясные тефтели, «*фулькурн*» – цельнозерновые продукты, «*кварый*» – творог), описание бытовых рутинных действий («*бука тид*» – записаться на прием, «*бука твэтт*» – забронировать время для стирки в прачечной, «*забукаль*» – записаться на прием, «*ансёкат*» – подавать заявление, «*поехать на пенделе*» – поехать на электричке, «*быть на азыле / подать на азыль*» – подавать заявление о предоставлении убежища, «*жить на социале*» – обеспечивать жизнь за счет социальных пособий), описание рода деятельности с помощью морфологического калькирования («*работать на стэде*» – работать уборщиком, «*работать на бюге*» – работать на стройке, «*работать как слесарь*» – работать слесарем), наименование профессий на шведском языке («*мой куратор*» в значении «социо-психолог», «*мой хандлэггаре*» в значении «ведущий делопроизводитель»). В процессе устного последовательного перевода такая лексическая интерференция может приводить к вынужденным паузам в речи переводчика (1-3), к уточнениям посредством переспроса отправителя сообщения (7) или к нивелированию семантической нагрузки, которую несет в себе заимствованный компонент в случаях речевой избыточности (2).

Представим еще один пример, заслуживающий внимания в связи со сложностью интерпретации семантики одного из его лексических элементов (см. Таблицу 3).

Таблица 3

(6)	Подсудимый:	ну / с этого и началось / нервоз
	Переводчик:	och då / då började på det sättet / att vi var / var nervösa
	Дословный перевод:	(и тогда / тогда все началось таким образом / что мы были / мы нервничали)

С одной стороны, лексема «нервоз» может представлять собой окказионализм в виде просторечного варианта слова «невроз», которое предполагает указание на некое психически нестабильное состояние. С другой стороны, она может быть еще одним примером вкрапления в русскоязычную речь элемента шведского языка, а именно прилагательного *nervös* со значением «неуверенный», «взволнованный». Вследствие вариативности толкования одного структурного элемента – лексемы «нервоз», – нарушается целостность процесса извлечения переводчиком смысла всего высказывания. Таким образом, коммуникативная неудача возникает на этапе извлечения смысла высказывания переводчиком. Она находит свое выражение в лексических повторах, незаконченности сегментов отрезка речи и паузации в речи переводчика. Все это является признаками того, что переводчик не смог беспрепятственно расшифровать содержание этой лексемы и перед ним встал выбор – попросить уточнения у источника текста, или извлечь все возможные трактовки лексемы и выбрать из них наиболее

вероятное значение, опираясь на контекст. Поскольку переводчик сделал выбор в пользу последнего, установить истинную семантику, вложенную в лексему «нервоз», постфактум не представляется возможным.

Пример (7) иллюстрирует, как использование окказионализма «тусспеларе», возникшего как попытка русскоязычного отправителя сообщения употребить шведское заимствование в своей речи, привело к возникновению коммуникативной неудачи на этапе осмысления сообщения переводчиком (см. Таблицу 4).

Таблица 4

(7)	Истица:	и / она мне сказала / мама я не хочу идти туда [...] она говорит / я боюсь
	Переводчик:	ehm // när vi kom hem så / sa han att hon / ändå / fortfarande är / rädd för pappa [...]
	Дословный перевод:	(эм // когда мы пришли домой то / то она сказала что / все равно / до сих пор / боится папы)
	Истица	она говорит э // они мне сказали что они не тусспеларе но / Мари / Мари Ш. она не тусспеларе / и из-за этого она может / что-то [сказать вот]
	Переводчик:	[что такое] тусспеларе?

Сложность в переводе окказионализма «тусспеларе» заключается в отсутствии очевидного десигната знака (Степанов, 2001, с. 48-49). Разумеется, эта лексема не входит в состав общеупотребительной лексики русского языка, но вместе с тем не является и шведской лексемой. Отчасти она перекликается с лексемой “spelare” (игрок), но подтвердить эту связь или идентифицировать второй компонент данного окказионализма не представляется возможным. Таким образом, переводчик на этапе осмысления лексемы «тусспеларе» не может установить план содержания и, соответственно, не может подобрать эквивалент и осуществить адекватный перевод. Возникает коммуникативная неудача. В этом случае переводчик принимает решение задать уточняющий вопрос отправителю сообщения.

Представим далее несколько примеров, в которых широкий контекст и предметная соотнесенность в условиях заданной ситуации общения влияют на выбор лексического соответствия на ПЯ. Следует подчеркнуть, что это выходит за пределы семантического измерения семиозиса, поскольку соотнесенность с речевой ситуацией предполагает анализ с позиций денотатики и приводит нас к многомерному рассмотрению коммуникативных неудач, связанных с конвенциональным значением лексических единиц. В первом случае (8) коммуникативная неудача возникает на этапе восприятия текста оригинала переводчиком и требует сопоставления лексической единицы «магазин» с той ситуацией, о которой рассказывает подсудимый. Основному лексическому значению слова «магазин» в шведском языке соответствует лексема *affär*. Однако ситуативный контекст, а именно покупка алкоголя и сигарет в магазине беспрошальной торговли в аэропорту, требует перевода посредством лексической единицы с более узким значением, поскольку в шведском языке такому сигнификату соответствует наименование *butik*. Отметим, что *butik* – это межъязыковой омоним, но в шведском языке он не имеет коннотаций, возникающих при употреблении слова «бутик» на русском языке. Такие различия в значении слов, принадлежащих к одному семантическому полю, затрудняют понимание и передачу сигнификативного значения в режиме устного перевода, так как переводчику необходимо извлекать дополнительную уточняющую информацию из ситуации общения, что может привести к возникновению хезитативных пауз типа *ää* в речи переводчика (см. Таблицу 5).

Таблица 5

(8)	Подсудимый:	через какое-то время вот я пошел в магазин
	Переводчик:	sen efter ett tag så gick jag till <i>ää</i> / butiken
	Дословный перевод:	(потом через какое-то время я пошел в ээ / магазин)
	Подсудимый:	думал купить ээ / думал купить / виски и / сигареты // тоже
	Переводчик:	tänkte / köpa whisky / och / cigaretter
	Дословный перевод:	(думал / купить виски / и / сигареты)

После небольшой заминки переводчику удалось «расшифровать» предметную соотнесенность лексемы «магазин» с отделом сети «дьюти-фри» и подобрать наиболее подходящий лексический эквивалент на ПЯ – *butik*, а не *affär*.

Отметим, что выбор лексического соответствия на ПЯ может совершаться не изолированно, а во взаимодействии с перцептическим измерением семиозиса. Обратим внимание на примеры (9-10), в которых предпочтение при выборе лексического эквивалента многозначного слова на подсознательном уровне отдается перцептическому (фонетическому) восприятию лексемы на шведском языке, нежели ситуативному контексту. Экспериментально доказано, что при восприятии речи доминирующую роль играет слово (или даже сочетание слов) (Степанов, 1966, с. 204). Фонетические «следы» лексем в форме одной или нескольких фонем, составляющих слово, могут сработать в качестве пускового механизма (Буланова, 2009, с. 122) для извлечения фонетически схожего слова на ПЯ.

В примере (9) перевод лексемы *film* сделан исключительно ввиду наличия узуального значения, т.е. исхода из семантики языкового знака без учета ситуативного контекста (денотатики) (см. Таблицу 6).

В шведском языке *film* кроме основного значения ‘кинофильм’ имеет еще ряд значений, например «фото-пленка», «видео». Утрата ситуативного компонента привела к исчезновению значения «видео, снятое на мобильный телефон». Различное расположение лексем “*film*” и «фильм» внутри семантических полей в сопоставляемых языках приводит к тому, что в русском переводе лексема «фильм» уже не отсылает к искомому

сигнификату. Тем самым связь между знаками, возникающая в процессе их сочетаемости друг с другом, т.н. синтагматическая связь (Кронгауз, 2005, с. 22), нарушается. Идентификация лексемы *film* переводчиком в соответствии с семантикой русской лексемы «фильм» повлияла на интерпретацию относящегося к ней определения – “*med dig och någon kvinna*”, которое получило менее точное значение. В качестве эквивалента переводчик выбирает фразу «увидела фильм с вами и с женщиной какой-то», которая в зависимости от синтагматического прочтения может иметь несколько значений, тогда как при отождествлении лексемы *film* с русским словосочетанием «видео на мобильном телефоне» все высказывание получает значение «посмотрела видео на мобильном телефоне, в котором вы с какой-то женщиной».

Таблица 6

(9)	Прокурор:	mm / ok // ää / och // ää / så förstår jag / att det blir nån / nån konflikt / med anledning av att // att / SH. sett någon film / ää / med dig och nån kvinna?
	Дословный перевод:	(мм / хорошо // ээ / и // ээ / я так понимаю / что получается какой-то / какой-то конфликт / по причине того что // что / Ш. видела какое-то видео / ээ / в котором вы с какой-то женщиной?)
	Переводчик:	и я так поняла что конфликт / после того как / Ш. увидела какой-то фильм / с вами / и с женщиной / какой-то

Представим еще один пример взаимодействия перцептического и семантического измерений при выборе эквивалента перевода на русский язык (см. Таблицу 7).

Таблица 7

(10)	Прокурор:	menar du // att det inte är ditt badrum då / eller? //
	Дословный перевод:	(вы имеете в виду // что это не ваша ванная то есть / или что? //)
	Переводчик:	вы имеете в виду / что / это не ваша? (ванная)
	Прокурор:	på sidan // 23 / så / ser vi ett draperi / där
	Дословный перевод:	(на странице // 23 / то / мы видим штору / там)
	Переводчик:	на 23 странице / там видно / драпировку

Очевидно, что русскими соответствиями шведской лексемы *draperi* в данном ситуативном контексте являются слова «занавеска», «штора». Следует обратить внимание на то, что в условиях дефицита времени в мозгу переводчика в первую очередь активизируются фонемные «следы» сходных по звучанию лексем *draperi* и «драпировка», что, по-видимому, и определяет его выбор варианта перевода вместо ситуативного контекста. Несмотря на это, выбранный переводчиком вариант «драпировка» не приводит к ошибке в предметной соотнесенности, т.е. реципиент перевода думает о том же предмете, который актуализирован в отрезке речи прокурора – «штора в ванной».

Необходимо указать на то, что на этапе восприятия речевого произведения реципиентом на ПЯ недостаточная рекуррентность, при условии сохранения основного семантического содержания лексического знака, лишь в редких случаях приводит к возникновению коммуникативных неудач. Как показано в примерах (9-10), коммуникативная неудача возникает на этапе восприятия текста переводчиком и выражается посредством хезитационных пауз. Однако реципиент перевода на русский язык не прерывает переводчика, не задает вопросов и не показывает, что имеются признаки коммуникативной неудачи.

Как показывает анализ языкового материала, при обнаружении явлений межязыковой омонимии, как это видно в (9-10), ориентация переводчика скорее на звуковое сходство, нежели на семантическую эквивалентность, приводит к незначительным для коммуникации стилистическим изменениям, но не мешает восприятию сообщения реципиентом. Отметим, что данное наблюдение справедливо в контексте судебного дискурса по отношению к общеупотребительной лексике, а не к юридическим терминам.

Приведем пример того, когда переводчик в режиме устного последовательного перевода выбирает неэквивалентное лексическое соответствие на ПЯ (см. Таблицу 8).

Таблица 8

(11)	Подсудимый:	то есть у меня не было багажа с собой / была только ручная кладь
	Переводчик:	ää / jag hade inget bagage med mig / jag hade bara / handgepäck
	Дословный перевод:	(ээ / у меня не было никакого багажа с собой / у меня был только / “handgepäck”)
	Подсудимый:	и если бы я купил / [купил]
	Переводчик:	[handbagage]
	Дословный перевод:	([ручная кладь])

Здесь переводчик, как бы вклиниваясь в речь подсудимого, заменяет первоначально неудачный выбор немецкого соответствия *handgepäck* для перевода словосочетания «ручная кладь» на шведскую лексему *handbagage*. Переводчик анализирует таким образом эквивалентность перевода, прогнозирует возможное возникновение коммуникативной неудачи, а затем прибегает к технике автокоррекции в целях ее предотвращения. Поскольку коррекция перевода происходит с очень небольшой задержкой (в 1 секунду), а речепорождение

отправителя сообщения, удерживая внимание слушателя, продолжается, то информация посредством рекуррентной лексики *handbagage* поступает к получателю текста перевода своевременно. Таким образом, несмотря на первичную неэквивалентность перевода при использовании немецкого соответствия *handgepäck* коммуникативный эффект не нарушается, и тем самым коммуникативная неудача предотвращается. Данный вывод можно сделать на основании того, что реципиент не задает уточняющих вопросов, не прерывает переводчика, наличие других гезитационных маркеров также не наблюдается.

Заключение

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Коммуникативные неудачи проявляются в устном судебном переводе на разных ярусах языка. Широкое распространение они получают в связи с интерпретацией лексики. Степень эквивалентности перевода лексических единиц по-разному влияет на возникновение коммуникативных неудач в зависимости от того, к какому пласту лексики относится искомая единица перевода. Проведенный анализ микроконтекстов судебного перевода свидетельствует о том, что коммуникативные неудачи могут возникать при переводе не только юридической терминологии и специальной терминологии из других областей знаний, но и общеупотребительной лексики.

Исследование показало, что вариативность интерпретации смысла общеупотребительной лексики переводчиком и реципиентом перевода питает почву для возникновения коммуникативных неудач в следующих случаях:

- 1) при использовании заимствованных слов;
- 2) при наличии многозначности в использовании разговорных окказионализмов;
- 3) при отсутствии очевидного десигната знака во время использования коллоквиальных окказионализмов;
- 4) при несовпадении семантических полей лексики в ИЯ и ПЯ;
- 5) при несовпадении семантики знака и предметной соотнесенности в случаях межъязыковой лексической омонимии.

Коммуникативные неудачи, связанные с актуализацией семантики единиц перевода, могут возникать как изолированно, так и во взаимодействии с другими измерениями лингвосомиотики, такими как перцептика, денотатика и прагматика.

В контексте межъязыкового общения коммуникативные неудачи могут возникать как на этапе восприятия и понимания текста оригинала переводчиком, так и на этапе восприятия текста перевода реципиентом.

Отметим, что коммуникативная неудача при переводе общеупотребительной лексики возникает чаще на этапе восприятия сообщения переводчиком, нежели реципиентом перевода. Объяснение этому можно найти в том, что в обязанности переводчика входит перевод всего того, что сказано отправителем сообщения, и он не в праве опустить непонятные для него элементы высказывания. У реципиента перевода, в отличие от переводчика, такой выбор есть, и в том случае, когда что-то становится ему непонятным, то есть возникает коммуникативная неудача, он может либо попросить уточнения, либо проигнорировать «проблемную» часть сообщения.

Появление коммуникативных неудач не находится в строгой зависимости от эквивалентности перевода. Как показывают приведенные примеры, даже существенные лексические расхождения между оригиналом и текстом перевода, не всегда приводят к возникновению коммуникативной неудачи. Заметим, однако, что иногда сложно судить, во всех ли случаях коммуникация, действительно, была успешна или просто не обнаружено признаков ее нарушения. Правильное толкование общеупотребительной лексики в значительной степени так же зависит от понимания связей семантики с другими измерениями семиозиса, в первую очередь с перцептикой и денотатикой.

Перспектива дальнейшего исследования проблемы видится в более детальном изучении взаимосвязи других пластов лексики и возникновения коммуникативных неудач в ходе устного судебного перевода, а также в комплексном анализе и систематизации взаимосвязей между возникновением коммуникативных неудач и взаимодействии разных измерений семиозиса в устном судебном переводе.

Источники | References

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: учебное пособие для студ. филолог. и лингвистич. факультетов. СПб.: Академия, 2006.
2. Барабаш О. В., Мещерякова О. В. Юридический текст: проблема интерпретации и перевода // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. № 3 (27).
3. Бархударов Л. С. Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода). М.: Междунар. отношения, 1975.
4. Буланова М. В. Языковые знаки и их ментальные репрезентации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2009. Вып. 572.
5. Волкова Т. А. Дискурсивно-коммуникативная модель перевода: монография. М.: Флинта; Наука, 2010.
6. Гарбовский Н. К. Теория перевода: учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007.
7. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: курс лекций. М.: ЭТС, 1999. URL: <https://studfiles.net/preview/4534952/>

8. Кронгауз М. А. Семантика: учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. Изд-е 2-е. М.: Академия, 2005.
9. Ольховиков Б. А. Замечания об особенностях филологического анализа и текстологического истолкования текста при переводе // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: сб. науч. тр. М.: МГЛУ, 1999.
10. Поликарпов А. М. Интегративная модель процесса перевода и языковая личность переводчика // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал: материалы Первой международной научной конференции / Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов»; Алтайская государственная педагогическая академия; Лингвистический институт. Барнаул, 2012.
11. Поликарпов А. М. Синтаксическая полифункциональность: монография. Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013.
12. Соколов А. Н. Внутренняя речь и мышление. М.: Просвещение, 1968.
13. Степанов Ю. С. Основы языкознания. М.: Просвещение, 1966.
14. Степанов Ю. С. Семиотика: антология. Изд-е 2-е. М. - Екатеринбург: Академический Проект; Деловая книга, 2001.
15. Сыроваткин С. Н. Теория перевода в аспекте функциональной лингвосемиотики: учеб. пособие. Калинин: КГУ, 1978.
16. Forkstam C., Jansson A., Ingvar M., Petersson K. M. Modality transfer of acquired structural regularities: a preference for an acoustic route // Proceedings of the 31st Annual Conference of the Cognitive Science Society. 2009. January.
17. Gisselgård J., Udden J., Ingvar M., Petersson K. M. Disruption of order information by irrelevant items: a serial recognition paradigm // Acta psychologica. 2007. Vol. 124.
18. Hasegawa-Johnson M. A. A multi-stream approach to audiovisual automatic speech recognition // 2007 IEEE 9th International Workshop on Multimedia Signal Processing, MMSP - 2007.
19. Pinker S. The Language Instinct (1994/2007). N. Y.: Harper Perennial Modern Classics, 2007.
20. Udden J., Araújo S., Forkstam C., Ingvar M., Hagoort P., Petersson K. M. A matter of time: Implicit acquisition of recursive sequence structures // Proceedings of the Thirty-First Annual Conference of the Cognitive Science Society. 2009. January.

Информация об авторах | Author information

Французова Алина Дмитриевна¹

¹ Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, г. Архангельск

Frantsuzova Alina Dmitrievna¹

¹ Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk

¹ info@alinafrants.se

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 15.10.2021; опубликовано (published): 30.11.2021.

Ключевые слова (keywords): устный перевод; судебный дискурс; шведский язык; коммуникативная неудача; лингвосемиотика; interpreting; judicial discourse; Swedish language; communicative failure; linguosemiotics.